

ДОМИНГО В ЗАЛЬЦБУРГЕ НЕ БЛЕЩЕТ

Независимая газета, 1998, 26 авг. - с. 7

Оперы «большого стиля» на моцартовском фестивале

Вадим Журавлев

В РОСКОШНОЙ программе Зальцбургского фестиваля этого года нашлось место и новой постановке оперы Верди «Дон Карлос». В год 90-летия со дня рождения Караяна эта опера заставляла вспомнить легендарный спектакль самого Караяна, и интендант фестиваля Жерар Мортье не смог отказать себе в удовольствии провести параллель между двумя историческими эпохами. Поэтому для постановки была выбрана самая укороченная итальянская версия (без акта «Фонтенбло»), которую в свое время выбрал и Караян. Вердиевские оперы стали при Мортье крайне редко появляться в Зальцбурге: здесь еще хорошо помнят оглушительный провал «Травиаты», которую не смог спасти даже любимый австрийской публики Рикардо Мути. Однако билеты на «Дон Карлос» были распроданы первыми, и толпы желающих попасть на спектакль напрасно блуждали перед Большим фестивальным театром.

Премьера «Дон Карлоса» превратилась в один из самых громких провалов за последние шесть лет. Прославленный и любимый местной публикой дирижер Ларин Мазель, который участвует в фестивале более 30 лет, оказался не способным воплотить самую запутанную из поздних опер Верди, и жесткий «немецкий» звук, который вылетал из оркестровой ямы, совсем не походил на упоительное итальянское звучание. У многих в зале возникла прямо-таки ненависть к Мазелю, который дирижировал нарочито демонстративно, упиваясь собой в музыке и блуждая по поверхности звуковых и театральных эффектов партитуры. Параллели с караяновской постановкой не вышли и из-за подбора певцов. Великих певцов — Хосе Каррераса, Агнес Балзу — сменили скорее «рабочие лошади», причем две главные партии достались нашим соотечественникам. В партии Карлоса Сергей Ларин (он пару лет назад здорово пел эту партию в Вене) на этот раз казался почти беспомощным. Натруженные верхние ноты, сип вместо пиано только усилили ощущение «неитальянскости» его голоса. Сопрано Марина Мещерякова, активно осваивающая итальянский оперный репертуар на самых престижных сценах, включая «Метрополитен-Опера», часто бахвалится своими действительно прекрасными пиано, но партия Елизаветы (как и недавно спетая в Большом театре «Норма») — для нее слишком драматическая, а в нижнем регистре ее голос не так хорош, как «наверху». К тому же партия эта требует большого актерского «персонализи», чем молодая солистка Большого еще не может похвастаться.

Роскошные верхние ноты меццо-сопрано Долорес Заджик (Эболи) все же не смогли изгладить неприятные впечатления от ее внешности типичной домохозяйки, да еще режиссер Херберт Вернике нацепил ей на глаз пиратскую повязку. Знаменитый бас Пол Плишка (Инквизитор) так прохрипел свою партию, что после спектакля зал страшным хором завопил «бу». Близко к идеалу, особенно во втором спектакле, выступил бас Рене Пап (Филипп), который через пару лет может стать великим исполнителем этой партии. А героем спектакля стал баритон Карлос Альварес — его Родриго выглядел как настоящий испанский гранд. Вокальное совершенство Альвареса позволяет ему выбиться в суперзвезды вердиевского репертуара.

Спектакль даже со средним музыкальным уровнем может спасти постановщик. Увы, замечательный режиссер и сценограф Херберт Вернике на этот раз «заигрался». Холодное эстетство Вернике выразилось в стильном сочетании черного, белого и красного цветов, костюмы вобрали в себя элементы средневековой Испании и эпохи франкистской диктатуры, а белые колонны, прорезаемые гигантскими золотыми кончиками шпаг, с легкостью перемещались по сцене. Однако ни один из элементов этого спектакля не вызывал живых эмоций у зрителя.

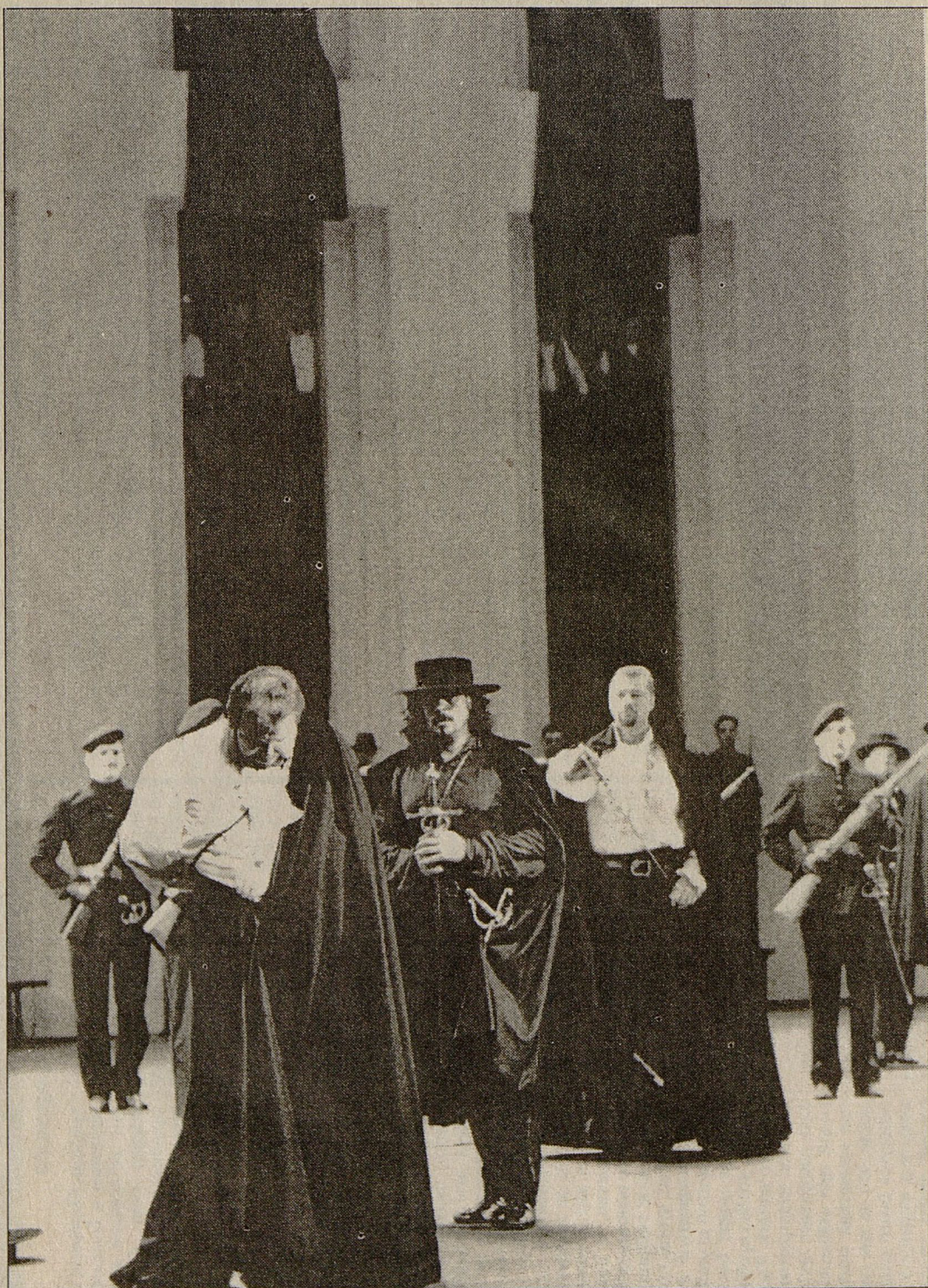
Большой театр может быть доволен: его солистка выступила на престижной сцене. В прошлом году этой чести удостоились артисты Мариинского театра, населившие местную постановку «Бориса Годунова». На этот раз питерские певцы приняли участие в концертном исполнении «Парсифаля» Вагнера, посвященном памяти сэра Георга Шолти. Валерий Гергиев, вставший за пульс оркестра Венской филармонии, пережил свой звездный час: русский дирижер в Зальцбурге, с вагнеровской оперой, да еще в отсутствие режиссера. Это что-нибудь да значит! И Гергиев вновь доказал, что его питерское обращение к «Парсифалю» не носит случайного характера. Об интерпретации худрука Мариинки мы писали уже несколько раз, но именно с прославленным оркестром Гергиев достиг небывалого уровня. И если в Питере и на гастролях в Москве второй акт был похож на первый и третий, то именно в Зальцбурге у Гергиева появлялась утонченная чувственность, которая так соответствует сцене обольщения Парсифаля. Не всем понравились темпы русского дирижера, хотя все без исключения отмечали, что именно сейчас Гергиев продемонстрировал свой гигантский потенциал. Вместе с ним для участия во втором акте в Зальцбург приехали Николай Пугачев (Клингзор) и молодые сопрано Мариинки. Пугачев на фоне замечательных басов — немца

Франца Грундхебера (Амфортас) и финна Матти Салминена (в роли Гурнеманца последний, правда, на этот раз не блистал) — выглядел несколько бледно. Хотя рядом с уставшим, измученным и совершенно неспособным к вагнеровскому пению Пласидо Доминго любой из участников этого концерта выглядел суперзвездой. (Местная пресса, правда, сходила с ума по Доминго, но к его исполнению партии Парсифаля это не имело никакого отношения).

Украшением «Парсифаля» стала выдающаяся немецкая певица Вальтрауд Майер (Кундри). На фоне вымирания настоящих вагнеровских певцов ее талант выделяется особенно ярко. Не продиравание сквозь сложности партитуры, а упоение музыкой, не воспроизведение кульминационных нот, а стогорение в роли кающейся грешницы — вот что поражает в Майер всякий раз. Причем для нее каждый выход на сцену — не повторение пройденного материала, она все время предстает в новом облике, что также подчеркивает исключительность ее таланта. В прошлом году во Флоренции ее Кундри была медитативно-чувственной, в Зальцбурге она пылала дьявольской страстью, которая сталкивалась с ледяной чистотой Парсифаля. Майер, Гергиев и оркестр пережили в Зальцбурге часы истинного триумфа.

Зальцбургский фестиваль подходит к концу, в последний день августа здесь вновь прозвучат «Дон Карлос» Верди и «Святой Франциск Ассизский» Мессияна. И если с культовыми операми XX века здесь дело обстоит нормально, то оперы большого стиля, которые раньше здесь звучали чаще, уже обозначили большой промах политики Жерара Мортье. Впрочем, этот талантливый театральный администратор прекрасно понимает ситуацию и на следующий год предлагает заведомо фестивалю очередную порцию современной музыки: впервые будут поставлены опера Бузони «Доктор Фауст», состоится мировая премьера монооперы «R» Лучано Берлиоза, написанной специально для сопрано Хильдегард Беренс, а также будет возобновлена «Лулу» Берга. Из моцартовских опер в этом году были только повторы «Свадьбы Фигаро» и «Похищения из серала», а на следующий год будет возобновлена «Волшебная флейта» Ахима Фрайера, а также представлена новая постановка Луки Ронкони — «Дон Жуан» (в главной партии выступит Дмитрий Хворостовский). «Фаустовскую» ноту поддержат новые постановки «Осуждения Фауста» Берлиоза и две части «Фауста» Гёте. Мортье, который любит говорить о «необходимости тренировок» на фестивале, видимо, вновь готовится к скандалам и дискуссиям.

Зальцбург—Москва

Сергей Ларин (Дон Карлос), Карлос Альварес (Родриго), Рене Пап (Филипп). «Дон Карлос» Верди в постановке Херберта Вернике.